

Российская академия наук
Институт славяноведения и балканистики

На правах рукописи
УДК: 808.67

Венедиктов
Григорий Куприянович

СОВРЕМЕННЫЙ БОЛГАРСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК
НА СТАДИИ ФОРМИРОВАНИЯ:
ПРОБЛЕМЫ НОРМАЛИЗАЦИИ И ВЫБОРА ДИАЛЕКТНОЙ
ОСНОВЫ

Специальность:
10.02.03 – Славянские языки (западные и южные)

Диссертация в форме научного доклада
на соискание учёной степени доктора
филологических наук

Москва
1992

Работа выполнена в Институте славяноведения и балканистики Российской академии наук.

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, академик Н.И.Толстой

доктор филологических наук В.К.Журавлев

доктор филологических наук Е.В.Чешко

Ведущая организация: Санкт-Петербургский университет.

Защита диссертации состоится " " 1992 г.
в час. на заседании специализированного совета Д 002.97.01
по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора фило-
логических наук в Институте славяноведения и балканистики РАН
по адресу: П7334, Москва, Ленинский пр., д. 32-А, корпус "В",
9 этаж.

С опубликованными работами автора можно ознакомиться в
библиотеке Института славяноведения и балканистики РАН (Москва,
Трубниковский пер., д. 30-А).

Научный доклад разослан " " 1992 г.

Ученый секретарь
Специализированного совета,
кандидат филологических наук

М. И. Ермакова

Настоящий доклад — краткое изложение результатов многолетних исследований проблем истории современного болгарского литературного языка (СБЛЯ), опубликованных в сборнике "Из истории современного болгарского литературного языка" (София, 1981), который был издан по предложению Оргкомитета I Международного конгресса по болгаристике (1981) и включает вышедшие ранее статьи в советских академических изданиях, в монографии "Болгарский литературный язык эпохи Возрождения: проблемы нормализации и выбора диалектной основы" (М., "Наука", 1990), в нескольких десятках статей, обзоров, рецензий, тезисов докладов.

СБЛЯ — это функционирующий в настоящее время в Болгарии литературный язык на всем протяжении его развития, т.е. со времени его зарождения и до наших дней. В болгарской лингвистической литературе в этом значении употребляются как синонимы термины "современен български книжовен (реже — литературен) език" и, кажется, чаще "новобългарски книжовен език". Термин "новобългарски литературный язык" ("новобългарски книжовен език") в таком значении, на наш взгляд, менее удачен, поскольку с ним неизбежно связывается и более широкое понятие о новоболгарском литературном языке, одним из типов которого является СБЛЯ. Термин "современный болгарский литературный язык" употребляется и в более узком значении как обозначение литературного языка последних нескольких десятилетий или литературного языка живущих поколений. Для отграничения СБЛЯ в таком понимании некоторыми исследователями предлагается даже называть его термином "нынешний современный болгарский литературный язык" ("днешен съвременен български книжовен език").

Всестороннее изучение истории СБЛЯ — одна из актуальных задач науки о болгарском языке. В последние десятилетия учеными разных стран (в Болгарии — Л.Андрейчин и его ученики К.Босилков, К.Вачкова, Е.Георгиева, Ст.Жерев, В.Попова, Хр.Пыррев, Р.Рушинов, В.Станков, Р.Цойнска, а также К.Попов и др.; в России — С.Б.Бернштейн, Е.И.Демина, Н.И.Толстой и др.; в Германии — К.Тутшимидт; во Франции — Ж.Фйофе; и др.) были освещены многие вопросы формирования и развития этого языка. Однако многое в его истории остается еще не изученным или слабо изученным и дискуссионным. В самом начале предисловия к изданной три года назад в Болгарии академической истории СБЛЯ в полном соответствии с нынешним состоянием этой области болгарского языковозна-

ния констатируется, что сейчас еще "продолжают оставаться предметом исследования и дискуссии, например, вопросы начала формирования новоболгарского литературного языка, этапы его развития, роль традиции в литературно-языковом строительстве, пути установления единых литературно-языковых норм и др. Особенно важное место в этом комплексе вопросов занимает проблема диалектной основы, на которой формируется новоболгарский литературный язык" (История на новобългарския книжовен език. София, 1939, с.5).

Премет наших исследований - главным образом две важнейшие проблемы истории СБЛЯ на стадии формирования: нормализация и выбор диалектной основы. Основное внимание в них уделяется изучению экстралингвистического аспекта этих проблем - внеязыковых факторов, определявших место и роль языка в движении болгар за национально-культурное возрождение, характер основы формировавшегося нового литературного языка, пути и предпосылки его нормализации, установление определенной диалектной основы. Новизна такого исследования заключается в постановке в рамках данных проблем большого круга вопросов и самостоятельного их решения, базирующегося на изучении обширного, в значительной своей части нового и исчерпывающего материала, содержащегося в болгарских изданиях эпохи Возрождения (грамматики болгарского языка, специальные статьи и заметки по языковым вопросам, предисловия к разным книгам, другие статьи и прочие источники, в том числе и письма книжников той поры).

Стадия формирования СБЛЯ - начальный период (этап) в истории этого языка, когда в основном складываются (формируются) его нормы. Ранняя граница этой стадии является одновременно и началом истории этого литературного языка в целом. По вопросу о начале истории СБЛЯ высказываются разные мнения, и он до сих пор остается еще дискуссионным. Большинство современных болгарских ученых (Л. Андрейчин и его ученики), считая родоначальником этого языка Паисия Хилендарского с его "Историей славяно-болгарской" (1762), относят начальную стадию его формирования ко второй половине XVIII-началу XIX вв. Есть также мнение, что началом истории СБЛЯ является язык написанного в начале XIX в. Софронием Врачанским "Жития и страданий грешного Софрония" (Л. Тодоров). Высказывалась и точка зрения о языке дамаскинов, памятников письменности XVII-XVIII вв., как начальном этапе ис-

тории современного литературного языка (например, Б.Цонев). Существует, далее, мнение, что собственно история СБЛЯ начинается с 60-70-х годов XIX в. (или с последней четверти XIX в.) уже как языка, сформировавшегося во всех своих основных характеристиках, а предшествующие ему разновидности книжного языка на народной основе, функционировавшие в ХVII - первой половине XIX вв., составляют предисторию СБЛЯ (Е.И.Демина). Наконец, было высказано мнение, что начало этому языку положил "Букварь с различными поучениями" ("Рыбный букварь"), изданный в 1824 г. П.Бероном (А.Теодоров-Балан). Именно точка зрения А.Теодорова-Балана точнее других фиксирует начало истории СБЛЯ с той существенной оговоркой, что, на наш взгляд, само начало формирования этого языка правильнее относить к 20-м годам прошлого столетия в целом, не связывая его с именем П.Берона и вообще с именем какого-либо конкретного книжника [3; I, с.9-27; 36].

20-е годы XIX в. - это годы, когда образованные и патристически настроенные болгары решительно поднимают вопрос о необходимости скорейшего введения в школы образования на родном языке, издания на нем учебных, религиозных и других книг, предлагают с этой целью свои опыты литературной обработки народного языка. Эти идеи и первые планы их реализации стали предметом живого обсуждения и острых споров среди болгар. На эти же годы приходится и первые печатные издания Библии в переводе на народный язык, требовавшей достаточно строгой его нормализации. Тогда же была уже ясно осознана и в программе деятельности "Филологического общества" (Брашов) впервые заявлена необходимость составления и болгарской грамматики и словаря как предпосылки создания нового литературного языка. Отсутствие грамматики и словаря родного языка уже тогда рассматривалось как препятствие, мешавшее не только вообще сочинению книг, но и следованию правилам языка. В 20-е же годы зародились и острые споры по отдельным вопросам устройства литературного языка, его графики и орфографии. Тогда же некоторые образованные болгары выступили с острой критикой языка "Нового Завета" в переводе архимандрита Теодосия и возражали против включения Вуком Караджичем в болгарскую азбуку отдельных сербских букв. В это же десятилетие вышел в свет уже упомянутый выше "Рыбный букварь" П.Берона - первая болгарская книга, в которой "болгар-

ский литературный язык становится полностью и последовательно народным по своим структурным особенностям" (Л.Андрейчин). Именно в предисловии к "Букварю", т.е. в 1824 г., было впервые четко сформулировано требование о необходимости введения обучения в школах на родном языке. П.Берон выражал удивление, что на протяжении веков не нашлось ни одного человека, который понял бы это "окаянное положение", в котором находилась школа у болгар, и указал бы "прямой путь к учению" - обучение на живом, понятном для болгар родном языке. Такой путь требовал создания и издания учебных и других книг на этом языке, что в свою очередь ставило в повестку дня литературную обработку живого народного языка [12; 14; 17; 1, с.28-100].

Сказанное выше и дает нам основание считать, что именно 20-е годы XIX в. и есть время начала формирования СБЛЯ и вместе с этим - начало истории этого языка в целом.

Хронологически менее отчетливой представляется поздняя граница стадии формирования СБЛЯ - время ее завершения. Очевидно, что завершение ее должно определяться временем установления основных норм звукового строя, грамматики, лексики, а также графики и орфографии СБЛЯ, совокупность которых в целом характеризуют его структуру и по сей день. Этим временем признаются 60-70-е годы XIX в. - конец эпохи Возрождения. В эти годы литературный язык уже предстает как относительно единый общеполгарский литературный язык с такой совокупностью норм, которая в своей основе сохраняется до сих пор, т.е. выступает и в литературном языке наших дней.

Стадия формирования СБЛЯ, завершившаяся к концу эпохи Возрождения, не завершилась, однако, его формальной кодификацией. Кодификация этого языка произошла в 90-е годы, когда официальными властями были узаконены, т.е. признаны обязательными для всего общества, правила орфографии, включавшие также и значительный список грамматических и орфоэпических правил.

Итак, стадия формирования современного болгарского литературного языка - это 20 - начало 70-х годов XIX в. Она совпала по времени с борьбой болгар за национально-культурное возрождение, вылившееся в широкое движение за образование на родном языке, за развитие национальной литературы и журналистики, за воссоздание независимой церкви и др., движение, которое законо-

мерно переросло в борьбу за освобождение болгарских земель от османского господства. В движении болгар за национально-культурное возрождение одно из центральных мест занимал вопрос о родном языке вообще и литературном языке в частности. Само создание единого общеполгарского литературного языка, движение за его приложение во всех сферах складывавшейся национальной культуры и включение его как мощного средства в борьбу за эту культуру и национальную консолидацию народа составляют одну из важных страниц истории национально-культурного возрождения болгар.

Изучение многочисленных высказываний представителей зарождавшейся болгарской интеллигенции и других слоев общества убедительно показывает, что проблеме родного языка они уделяли исключительно большое внимание. Она занимала умы многих деятелей, начиная от Паисия Хилендарского, с именем которого связывается начало Возрождения, и кончая теми писателями и другими деятелями национальной культуры (П.Славейков, Ив.Богоров, М.Дринов и др.), чья разносторонняя деятельность продолжалась и в последние десятилетия XIX в. В ее обсуждении приняли участие и менее известные и совсем неизвестные книжники возрожденческой поры — авторы собственных сочинений и переводов, учителя, издатели газет и журналов и др., которые излагали свое мнение о состоянии болгарского языка (в особенности письменного), особенностях их собственного языка (в частности, принятого ими правописания) и т.д. О большом внимании деятелей того времени к проблеме языка свидетельствует и тот факт, что уже первые культурно-просветительные общества болгар в качестве одного из главных пунктов своей программной деятельности ставили содействие созданию и совершенствованию литературного языка. Об этом же говорит и участие многих периодических изданий 40-70-х годов в обсуждении языковых вопросов [I; I2; I4; I5; I7; 22; 38; I, с.28-III8; 2, с.3-34].

Подчеркнутое внимание деятелей Возрождения к проблеме родного языка объясняется прежде всего большой ролью, которая отводилась ему в общем движении за национальное и культурное возрождение. Борьба за освобождение от греческого духовного гнета и за национальное просвещение, борьба за утверждение национального самосознания и сохранение национальной самобытности болгар тес-

нейшим образом увязывалась с задачей сохранения и возвышения родного языка. Тема родного языка — его защиты и обучения на нем подрастающих поколений не сходила со страниц болгарских изданий. Главный, если почти не исключительный, упор болгарские деятели делали на чисто практическую, но жизненно важную для них сторону проблемы языка: чтобы сохранить и укрепить свое единство как народа, болгары должны беречь и совершенствовать, т.е. литературно обрабатывать, родной язык и укреплять его позиции в общественной жизни, прежде всего в школе, а затем в литературе и других областях духовной культуры. К середине 50-х годов знание родного языка стало уже вопросом национальной чести для образованного круга болгар, а незнание его квалифицировалось некоторыми едва ли не как сознательное отречение от своей национальной принадлежности.

Существенной особенностью начального движения болгар за развитие национальной культуры было то, что своим острием оно было направлено против грекомании, против характерной для части болгарского общества приверженности к греческой образованности и непосредственно связанной с этим приверженности к греческому языку как языку школы, литературы, богослужения. Поэтому такое движение представляло собой важную, а в отдельные периоды — и главную часть общей борьбы за права болгарского языка в разных сферах формирующейся национальной культуры. Турецкий язык — язык господствующей нации Османской империи — в силу существовавших в ней в XIX в. социально-исторических условий не был серьезным препятствием для болгар на пути создания ими своей культуры, и борьба против него шла в основном о более или менее ярко выраженных пуристических позициях. Характерной чертой движения болгар в эпоху Возрождения за права родного языка было, таким образом, то, что оно было направлено против использования генетически далекого для них греческого языка. Что касается славянских языков, то изученные материалы свидетельствуют о благожелательном к ним отношении болгар, видевших в них не барьер на пути развития собственной школы, литературы и др., а в известной мере образец и источник совершенствования и обогащения родного языка и шире — одно из вспомогательных средств к ускоренному развитию собственной культуры. Тот факт, что русские, чехи, поляки, сербы пользовались родным

языком в школе, на своем языке издавали литературу, журналы, газеты и т.д., служил для болгарских возрожденцев как бы дополнительным стимулом к энергичной борьбе за права родного языка, за создание своего богатого литературного языка, ибо униженное по сравнению с языками других славян положение языка народа, давшего, как они неоднократно подчеркивали, славянству письменность и первые переводы книг священного писания на славянский (древнеболгарский) язык, рассматривалось как историческая несправедливость, с которой необходимо покончить.

Наиболее остро проблема родного языка с самого начала была тесно связана с задачами просвещения — создания национальной школы, с "великим вопросом о наших школах" (П.Славейков). Пожалуй никакой другой вопрос организации школьного дела деятельности Возрождения не отоглаивали в течение длительного времени с таким горячим участием и настойчивостью, как вопрос о том, что болгары должны получать образование в своих школах и на своем родном языке и что знания они должны черпать из книг, написанных на этом языке. Большое значение придавалось также литературно обработанному родному языку как важнейшему средству ускоренного приобщения болгарского народа к достижениям духовной (и не только духовной) культуры других народов.

Анализ материалов, характеризующих движение болгар за права родного языка в эпоху Возрождения, показывает, что в нем довольно четко выделяются два периода.

Первоначально, примерно до середины 30-х годов речь шла о приложении болгарского языка вообще как антитезы греческому, засилие которого в школе, церкви, в других общественных сферах и даже в быту части наиболее состоятельных ремесленников, торговцев и зарождавшейся интеллигенции становилось все более широким и угрожающим. Вопрос о родном языке ставился сначала не столько в плане необходимости литературной обработки, нормализации, направленной на создание единого, общebolгарского литературного языка, сколько главным образом в том плане, чтобы убедить или, может быть, на первых порах приучить болгар к мысли о пригодности их языка для выполнения тех функций, какие уже выполняют развитые языки просвещенных народов. Существенно, что в русле общего движения за национальное возрождение в это время еще не проводилось разграничение между живым, народ-

но-разговорным болгарским языком и языком книжным, который был представлен разными типами или разновидностями, различавшимися прежде всего разным соотношением в них элементов церковнославянской письменной традиции и элементов живой речи, отражавших особенности местных диалектов. Конечно, значительная разница между народно-разговорным и функционировавшим тогда церковнославянским языком, который многими характеризовался как непонятный для болгар, ощущалась болгарами довольно явственно, но в плане противопоставления "родной язык - неродной язык" (в данном случае - греческий) как народно-разговорный, так и церковнославянский рассматривались болгарами как язык родной.

Впоследствии, начиная со второй половины 30-х годов, проблема родного языка приобретает иной аспект. Появление светских школ с преподаванием на болгарском языке (Габровское училище было открыто в 1835 г.), расширение книгопечатания, зарождение новой литературы остро поставили перед болгарами задачу преодоления господствовавшего в школе и книгопечатании языкового разнобоя (в грамматике и особенно в орфографии и графике), т.е. задачу нормализации языка с целью создания единого общеполитического литературного языка. Теперь акцент ставился уже не просто на родной язык, а на единый, в определенной степени нормализованный литературный язык (на первых порах преимущественно в его письменной разновидности), хотя проблема "родной язык - неродной язык" продолжала оставаться актуальной до середины XIX в.

Создание единого литературного языка, необходимость которого по существу никто из образованных и патристически настроенных болгар не оспаривал, стало рассматриваться как одна из важнейших и первоочередных задач общенационального значения. С успешным ее решением непосредственно связывались дальнейший прогресс в образовании, литературе, других областях складывавшейся национальной культуры, а нередко и само существование болгар как самостоятельного народа, поскольку именно в единстве литературного языка многие деятели Возрождения видели и признак единства, и средство единения, сплочения болгарского народа. Любопытным и показательным примером этого являются острые споры о литературном самоназвании болгар - его правильном написании и произношении [29; 2, с.55-72].

Целый ряд факторов (в частности значительная диалектная дробность болгарского языка, влияние разных филологических школ в самой Болгарии и за ее пределами, например, в Греции, и др.) явился причиной того, что с самого зарождения идеи о необходимости создания единого для болгар литературного языка возникли и острые споры о характере этого языка (его традиционно-книжной (или народно-разговорной основе), выборе диалектной базы, путях нормализации и совершенствовании грамматики, лексики, правописания и др. Вследствие возникших разногласий сама дискуссия, широкий обмен мнениями по вопросам языка рассматривался многими как важная предпосылка выработки его единых норм. Поэтому и участие в обсуждении таких вопросов, направленное на скорейшее создание литературного языка, постепенно стало осознаваться как долг всех образованных болгар.

В собственно языковой проблеме главным был вопрос о том, каким должен быть единый, общеполгарский литературный язык и каким путем он должен сформироваться и утвердиться. По этому вопросу существовали разные точки зрения, которые можно свести к двум основным, представляющим два принципиально разных направления в нормализации литературного языка [14; 1, с.28-82; 28; 33; 2, с.33-55; 42] .

Согласно одной точке зрения, которую развивали так называемые архаисты (К.Фотинев, Хр.Павлович и др.), новый болгарский литературный язык должен ориентироваться не на народно-разговорный, а на церковнославянский язык и должен представлять собой приближенный к народному, но церковнославянский в своей основе язык. Это направление не имело в Болгарии достаточно большого числа приверженцев и сравнительно быстро, уже к середине 40-х годов, сошло со сцены, хотя отголоски его давали о себе знать и позднее. Одной из причин непопулярности и недолговечности этого направления был сам характер прокламируемого им литературного языка. Лишенный целого ряда характерных особенностей живой речи, содержащий ей не свойственные церковнославянские особенности, такой архаизованный язык казался искусственным, был довольно далек от народной речи и потому мало понятен или вообще не понятен тем из болгар, кто не изучал церковнославянского языка специально. В атмосфере широкого стремления болгар к развитию образования, литературы, жур-

налистике и т.д., вызванного наступившими глубокими социально-экономическими сдвигами, такой язык, как полагали многие деятели Возрождения, не мог быть эффективным средством развития национальной культуры. В этом причина того, что отдельные опыты создания архаизованного типа нового литературного языка оказались непопулярными, не были поддержаны современниками.

Преобладающей была точка зрения "новаторов" (В.Априлов, Ив.Богоров и др.), убежденных в том, что новый литературный язык следует строить на основе народно-разговорной речи, должным образом обработанной и обогащенной из разных источников. Считалось, что именно такой язык, понятный всем болгарам, по их мнению, в наибольшей степени отвечал задачам и нуждам возрождающейся нации, развитию ее культуры.

Важнейшая особенность истории СБЛЯ состоит в том, что он сформировался на основе народно-разговорной речи (народных говоров). Термин "основа современного болгарского литературного языка" обычно употребляется без дальнейшей дефиниции его значения; очевидно, что он обозначает некую совокупность важнейших особенностей народного языка прошлого столетия, определяющую специфику звуковой, грамматической и лексической структуры функционирующего ныне литературного языка и отличающую его от других типов болгарского литературного языка, выступавших в прошлом. Если это верно (а сомневаться в этом нет серьезных оснований), то следует признать верным и положение о том, что предметом истории СБЛЯ является процесс формирования и развития литературного языка, все опыты его нормализации именно на данной, т.е. народно-разговорной, основе, начиная с ранней стадии этого процесса. Всякие опыты устройства литературного языка на иной, не народно-разговорной основе представляют или представляли бы предмет истории не современного литературного языка в его нынешнем облике, а литературного языка другого типа.

В рамках такого понимания истории СБЛЯ во второй четверти XIX в. и позднее, когда развернулась борьба с характере основы литературного языка и путях его нормализации, также можно выделить два направления, общим для которых было безусловное признание того, что литературный язык должен создаваться на основе народной речи, а различие - в разном подходе к церковно-

славянскому (и древнеболгарскому) как одному из источников его нормализации и совершенствования.

Изучение многочисленных высказываний по языковым вопросам на страницах возрожденческих книг и периодических изданий показало, что острее споры между представителями двух основных направлений — "архаистами" и "новаторами", как и между представителями каждого из этих направлений, велись по многим вопросам, касающимся нормализации отдельных элементов структуры формировавшегося литературного языка — его звукового строя, грамматики, лексики, а также графики и орфографии.

Среди вопросов грамматики наиболее остро и долго дискутировался вопрос о членных формах (членных морфемах, членах), занимающий особое место в истории нового литературного языка на стадии его формирования [2, с.73-105]. Ни одно явление грамматики не вызвало тогда столько споров и разногласий, как членная форма — этот "великий камень преткновения болгарских писателей" (Г.Кривич). Причины особого внимания к ней было несколько. Главные из них состоят в том, что членные формы — это грамматическая особенность, присущая только болгарскому языку и отсутствующая в других славянских языках, в том числе и в древнеболгарском, и само их разнообразие по диалектам. Споры и разногласия относительно членных форм возникали прежде всего в связи с тем, на каких позициях стояли грамматисты и другие деятели Возрождения по основополагающим вопросам формирования нового литературного языка, а именно: а) должен ли этот язык ориентироваться в своем устройстве на церковнославянский, или же на живой, народно-разговорный болгарский язык; б) какой диалект (диалекты) народного языка того времени следует положить в его основу, если он должен базироваться на основе живой речи.

Против закрепления членных форм в формировавшемся новом литературном языке выдвигались разные доводы: отсутствие их в древнеболгарском (и церковнославянском) и других славянских языках (решающий довод, приводившийся всеми противниками членной формы); разнообразие их в народном языке, свидетельствующее якобы об их "неправильности", излишестве; неясность их происхождения; они не "украшают", а "уродуют" язык, делают его безобразным ("гнусным"); препятствуют сочинению стихотворных

произведений. Мотивы такой аргументации понятны. Это и "внутреннее неприятие" членных форм неболгарами (К. Огнянович, Ю. И. Велелин и др.), родной язык которых не знает таких форм. Это и связанное с ним чисто субъективное отношение к членным формам как к чему-то обезображивающему, уродующему язык, воспринятое и некоторыми болгарскими грамматистами и писателями. Это, далее, просто плохое знание живого народного языка, приведшее в частности к надуманному заключению о мнимой невозможности из-за членных форм сочинения стихов. И, наконец, - в этом главное - сознательная тенденция к созданию архаизованного литературного языка.

За закрепление членных форм в новом литературном языке решительно выступили сторонники его создания на чисто народной основе. Уже первые их выступления были суровым ответом на исходившие от неболгар отрицательные суждения о членных формах и предложения изгнать их из болгарского литературного языка. Так, Неофит Рильский и В. Априлов доказывали, что эти формы - неотъемлемое свойство болгарского языка, и никто не имеет права заставить болгар лишиться их язык этого свойства. Подчеркивалось, что болгары никак не могут и не должны отказываться от членной формы, ибо это "характеристическая черта болгарского языка" (В. Априлов), "самая большая и наиболее отличительная черта новоболгарского языка" (Г. Крутевич) и т. д., которой непременно должен обладать и литературный язык. Они доказывали, что членные формы - не уродство или излишество языка, а его преимущество, обогащающий его "превосходный дар", которого лишены другие славянские языки.

В результате разгоревшихся в 30-40-е годы споров восторжествовала точка зрения тех, кто отстаивал и доказывал необходимость утверждения членной формы как обязательного элемента грамматической структуры нового литературного языка. Такой исход споров прямо связан с тем, что в ходе дискуссии по более общему вопросу о характере основы этого языка утвердилось мнение, что он должен формироваться на основе народно-разговорной речи с характерными для нее грамматическими особенностями, включая и членные формы.

Исследованные материалы свидетельствуют, что к 60-м годам споры о том, нужны ли членные формы новому литературному языку

или не нужны, в целом уже затихли, однако разногласия по вопросу о самом составе членных форм еще оставались. Больше всего споров было о членной форме единственного числа мужского рода, что объясняется большим разнообразием ее вариантов (-о, -от, -ь, -ьт, -а, -ат, -а, -ет). Критерии ее выбора для закрепления в литературном языке выдвигались разные: наиболее распространенная территориально, "более сообразная с духом языка", более благозвучная. В соответствии с этим предлагались формы -о и -ать (Неофит Рильский), -ать (Ив. Богоров, В. Априлов, Н. Първанов и др.), -ьт (Т. Кристевич и др.), -а (Ив. Момчилов и др.).

Нужно отметить, что с 50-х годов становится популярной точка зрения о необходимости закрепить в литературном языке две членные формы, например, -ьт за именительным падежом и -а - за винительным или косвенным (И. Груев). Такое правило употребления поддерживалось практикой многих писателей, в том числе и П. Славейковым. Оно, однако, носило искусственный характер и было продиктовано стремлением примирить сторонников так называемых полных (с элементом т) и кратких (без этого элемента) членных форм. Его искусственность была очевидна уже тогда и вызвала возражения некоторых грамматистов.

Другим важным вопросом грамматики, вызвавшим большие разногласия между сторонниками разной основы (архаизованной и народно-разговорной) формировавшегося нового литературного языка, был вопрос о падежах, поскольку падежи были характерной особенностью грамматической структуры традиционного книжного языка, но они были уже чужды грамматической структуре народно-разговорного языка. В отличие от членных форм падежи, однако, не вызвали столь ожесточенных споров, и разногласия "падежные" по существу исчезли с окончательным установлением народно-разговорной основы этого языка [2, с. 105-148].

Нормализация устной формы (разновидности) СБЛЯ на стадии его формирования - один из тех важных вопросов, которые долгое время оставались вне поля зрения исследователей. Изучение многочисленных высказываний возрожденцев по языковым вопросам показало, что они, вопреки недавним представлениям в существующей литературе, ставили задачу нормализации не только письменной, но и устной формы (разновидности) складывавшегося литературного языка, но приоритет нормализации его письменной

формы у них не вызывал сомнений [37; 7; I, с.150-161]. Авторы многих выступлений говорили о необходимости установления правил того, как нужно "правильно писать и говорить" по-болгарски. То, что письменный язык должен обладать едиными правилами грамматики и орфографии, иметь богатую и разнообразную лексику, представлялось почти само собой разумеющимся. Что касается устной формы, то требование ее нормализации в целом как бы уходило на второй план, хотя на ее необходимость также указывали многие книжники-возрожденцы, а некоторые из них рассматривали ее даже как более актуальную, чем установление единой орфографии. Выказывалось, однако, и мнение, что устная речь не может быть нормализована одновременно с установлением единых правил письменного языка, что ее нормализация — дело будущего, если она вообще достижима.

В целом же в истории СБЛЯ как и позднее, создание единых произносительных норм не было столь жгучей проблемой, какой была, например, нормализация грамматики и даже лексики (срв. хотя бы проявления пуризма), не говоря уже о нормализации орфографии.

Представление о том, каким именно должно быть литературное произношение, у многих создателей литературного языка было в целом довольно неясным, неопределенным. Оно ограничивалось нередко рамками того, как следует произносить данную букву. Поэтому орфоэпические правила сводились часто к "орфоэпии букв". Но и предлагавшиеся разными авторами правила "орфоэпии букв" (и буквосочетаний) не всегда предписывали единую норму произношения. Вряд ли будет преувеличением утверждение, что в произношении формировавшегося СБЛЯ царил такой же, если не больший, разнбой, как и в правописании.

К числу важнейших вопросов нормализации устной разновидности нового литературного языка, обсуждавшихся возрожденческими книжниками, относятся произношение гласных на месте ъ и на месте а после мягких согласных, произношение безударных гласных, твердых и мягких согласных, звукосочетаний ъ с р и л [10; I, с.204-245].

Особое внимание уделялось произношению гласных на месте ъ — одному из центральных вопросов истории болгарской орфоэпии, споры по которому продолжаются и по сей день. Многочисленные

высказывания и предложения возрожденцев по нормализации этого явления в общем отражают местные особенности произношения, свойственные их родным говорам: екавое (дѣто, дѣтен) в Западной Болгарии и Македонии (Н.Рильский, П.Зографский и др.) и дво-якое - якавое (дѣто) и екавое (дѣтен) - в Восточной Болгарии (Г.Крыстевич, Ив.Момчилов, Н.Геров, Ив.Добрович, А. и Д.Цанковы, С.Радулов, Й.Груев и др.). Наблюдаемая в восточноболгарских говорах сложная зависимость двойкого произношения звуков на месте ѣ от их позиции и места ударения в слове, не сразу была раскрыта грамматистами-возрожденцами, что и нашло отражение в разных предложенных ими правилах того, как следует произносить "букву ѣ". Но к 70-м годам прошлого столетия правило двойкого произношения гласных на месте ѣ в зависимости от места ударения и характера последующего слога стало в болгарских грамматиках общепризнанным, и это связано было с тем, что к тому времени восточноболгарская (точнее - балканская) диалектная основа литературного языка уже в основном установилась, а вместе с нею установились в целом и характерные для балканских говоров звуковые особенности. Для признания нормой якавого и екавого произношения "буквы ѣ" важно было то, что с ним в 70-е годы уже соглашались и уроженцы Западной Болгарии. Характерно в этом отношении мнение Й.Ковачева, который выступал за шопскую (западноболгарскую) диалектную основу литературного языка, но в отношении произношения ѣ делал уступку в пользу балканского наречия - соглашался с якавым и екавым его произношением в литературном языке вместо характерного для шопских говоров екавого произношения.

Грамматисты уже в середине XIX в. пытались сформулировать и правило произношения гласных на месте а после мягких согласных, которое у одних (Г.Крыстевич, Ив.Добрович, А. и Д.Цанковы) совпадало с правилом двойкого произношения ѣ - поляна, полени, у других отличалось от последнего тем, что устанавливало как будто неизменное произношение гласного а - подена, полени (С.Радулов, Й.Груев) или 'в - поляна, поляни (Ив.Момчилов, Г.Миркович, Я.Кочов и др.). В 60-е годы они определенно склонялись уже к утверждению в литературном языке только якавого произношения. В этом было отступление от произношения в балканских говорах, объясняемое, на наш взгляд, на западноболгарским диа-

лектным влиянием, а влиянием церковнославянской орфографической традиции.

В отношении правил произношения безударных гласных е, о, а возрожденческие грамматисты следовали в целом своим родным говорам: уроженцы Западной Болгарии и Македонии выступали за "чистое" произношение этих гласных (Н.Рильский, П.Зографский и др., но также и С.Биларетов - уроженец Керавн в Восточной Болгарии), а уроженцы Восточной Болгарии - за произношение и, у, ъ на месте соответственно е, о, а (А. и Д.Цанков, Н.Михайловский, Хр.Сичан-Николов, Т.Шипков, Ив.Момчилов и др.).

Предметом значительного внимания возрожденческих грамматистов был вопрос о произношении некогда мягких конечных согласных у существительных мужского и женского рода (соль, царь, день и под.). Большинство их, как показывают имеющиеся материалы, определенно склонялись к тому, чтобы в литературном языке сохранить существовавшее во многих говорах мягкое произношение конечных согласных. Лишь отдельные грамматисты, преимущественно уроженцы западных областей Болгарии, выступали за единое твердое произношение согласных в конце слов, опираясь на такое именно произношение согласных в местных говорах.

Грамматистами и другими возрожденцами предлагались и правила произношения звукосочетания ъ с сонорными р, л. Одни из них (Н.Геров, И.Груев, Б.Петков) выступали за единообразное произношение ръ, лъ во всех позициях любых слов, другие - за двоякое их произношение - ръ, лъ и ър, ъл. Правило двоякого произношения носило еще общий характер и охватывало как будто все случаи независимо от количества последующих согласных, хотя иллюстрировалось обычно словами с ър, ъл и ръ, лъ перед одним согласным и распространялось на одни и те же слова. Иначе говоря, многие грамматисты середины XIX в. признавали в равной мере литературными произносительные дубликаты одних и тех же слов (българин и българин, вълк и вълк, бързам и бръзам, кръв и кръв и под.).

Рассмотренные здесь впервые правила произношения в рамках истории СБЛЯ на стадии его формирования как опыты нормализации его устной разновидности формулировались в грамматиках и других грамматических работах возрожденцев как норма (правило), которую, по их мнению, следовало закрепить в литературном языке.

Из этого, однако, не следует, что и в живой речи образованных болгар как носителей этого языка эти правила в то время в устной речи более или менее уже соблюдались. В частности, вряд ли есть серьезные основания полагать, что екавое произношение ъ в речи образованных болгар из Западной Болгарии в то время стало уже реально вытесняться двойким произношением гласных согласно устанавливаемому в грамматиках правилу.

К числу узловых проблем, решение которых имело большое значение для нормализации нового литературного языка, формировавшегося на народно-разговорной основе, относится проблема графики и орфографии. По разным аспектам этой проблемы деятелями Возрождения было высказано, пожалуй, больше всего общих соображений, конкретных предложений и замечаний, чем по каким-либо другим языковым вопросам. Графика и орфография стали предметом ожесточенных споров еще в 20-е годы и не прекращались на протяжении всей стадии формирования СБЛЯ. Хотя данная проблема в последние годы не оставалась вне поля зрения исследователей истории СБЛЯ, в целом она остается еще слабо изученной и потому особенно актуальной. К числу мало изученных относится и вопрос о введении в болгарское книгопечатание гражданской кириллицы ("гражданки") - один из важных моментов в истории болгарской графики и орфографии в рамках общей истории СБЛЯ [17; 23; 1, с.162-203].

33

Считалось, что первой книгой, напечатанной у болгар гражданской азбукой, была "Арифметика или наука числительна" Хр. Павловича (1833), с изданием которой обычно и связывается первый опыт использования данной азбуки в болгарском книгопечатании. В действительности же первая, правда, еще робкая попытка сознательного разрыва с традицией церковной печати, еще недолгой у болгар, и, таким образом, первая попытка издания болгаринном текста на родном языке гражданской азбукой, была предпринята в 1825 г. А.Кипиловским, опубликовавшим такой азбукой в качестве образца небольшое по объему посвящение в переведенной им книге "Священное цветочество". Первоначальным намерением А.Кипиловского было издать этой азбукой весь текст "Священного цветочества". Намерение это не было случайным, а диктовалось пониманием большей пригодности ее для ускоренного обучения болгар грамоте и соответственно - для распространения среди них знаний. Эти

25

1 V

преимущества гражданской азбуки перед церковной кириллицей казались ему более значительными и весомыми, чем возможные отрицательные последствия разрыва с существовавшей практикой печати книг старой азбукой. Отказываясь от "славянского правописания", как писал сам А.Кипиловский, в пользу "естественного правописания" и гражданской азбуки, А.Кипиловский, по его словам, руководствовался стремлением точнее отразить на письме живое произношение болгар и упростить графику и орфографию, сделав их более доступными для обучающихся грамоте. Такое намерение было в полной мере созвучно передовым настроениям части образованных болгар 20-х годов, осознавших необходимость обучения грамоте и усвоения знаний на живом, народном языке.

Издание "Священного цветособрания" гражданской азбукой, однако, не состоялось, так как А.Кипиловский после, очевидно, длительных раздумий и колебаний от первоначального намерения отказался. Причина этого, на наш взгляд, заключалась скорее всего в том, что молодой А.Кипиловский (ему тогда было всего 22-23 года) не встретил в своем начинании должной поддержки со стороны соотечественников-современников. Сам же он внутренне еще не был готов к столь решительному разрыву с господствовавшей практикой старой печати и противоборству с ее приверженцами.

Неудачная попытка А.Кипиловского ввести в болгарское книгопечатание гражданскую азбуку в середине 20-х годов XIX в. показывает, что болгарским возрожденцам до какого-то времени было легче отказаться от архаической структуры литературного языка в пользу народно-разговорной, чем от старой азбуки и орфографии.

Из проблем, касающихся лексики СБЛЯ на стадии его формирования, особый интерес представляет проблема истории таких слов, появление которых связывается обычно с книжной деятельностью конкретных представителей формировавшейся национальной культуры, строителей и носителей литературного языка. В существующей литературе приводится значительное количество слов, которые созданы (сочинены, придуманы) и (или) введены конкретными представителями болгарской интеллигенции эпохи Возрождения и последующих десятилетий (Софронием Врачанским, Анастасом Кипиловским, Георгием Раковским, Петко Славейковым, Иваном Ва-

зовым и др.) и которые характеризуются как их личный вклад в обогащение лексики болгарского языка.

Оценивая в целом результаты изучения этого аспекта истории словарного состава СБЛЯ, мы считаем, что говорить о действительно установленном, а не выдаваемом за реальный, вкладе какого-либо представителя возрожденческой интеллигенции в обогащение лексики литературного языка сейчас еще рано. Анализ собранного нами материала убеждает, что не все слова, признаваемые творением того или иного лица, действительно являются результатом его словотворчества. Так, ошибочно, например, распространенное мнение о создании Софронием Врачанским слов борител, судник; Ив. Богоровым - бележка, вестник, разноски, сегашен, часовник, молба, омет, околност, връзка, свързка, спалня, прибежище, управник и др.; Ив. Вазовым - благовреме, влак, гръмот, дворище, деблив, денгубство, днешник, жълтоуст, лютост, ногободне, паровоз, платка, създавник, топлик, хвалюив и др. [4; 5; 1, с. 246-268; 25; 31; 32; 36]. Ошибочность осуществляющих представлений о действительном вкладе конкретных лиц в лексику СБЛЯ - следствие слабой изученности ее истории в целом и известная узость материалов, используемых исследователями при оценке их словотворческой деятельности.

Таковы некоторые общие и более конкретные проблемы нормализации СБЛЯ на стадии его формирования, поднятые и освещенные в наших опубликованных работах.

Другой круг проблем истории СБЛЯ на стадии его формирования, исследуемых в наших работах, выбор и установление его диалектной основы.

Установление диалектной основы - один из важнейших процессов истории формирования современного болгарского литературного языка, а сам вопрос о диалектной основе - один из основных и дискуссионных вопросов современной науки об истории этого языка. Изучению данного вопроса в последние десятилетия уделяли серьезное внимание многие исследователи, усилиями которых в его освещении внесен заметный вклад. Подробно описан язык сочинений ряда крупных возрожденцев, представляющих разные диалектные области. Выдвинуты новые концепции формирования современного литературного языка на народно-разговорной основе. Один из важнейших результатов исследований этого вопроса - отказ от

существовавшего ранее мнения о том, что этот язык есть в сущности литературно обработанное восточное наречие. Другой существенный результат - утверждающееся в последнее время положение о том, что современный болгарский литературный язык сформировался на широкой, хотя и локально ограниченной, а именно преимущественно балканской, уже - центральнo-балканской, диалектной основе, а не на основе конкретного диалекта (говора), например, тырновского. При этом очевиден и пересмотр едва ли не общепринятого до недавнего времени положения о смене ранее западноболгарской диалектной основы формировавшегося литературного языка основой восточноболгарской. Получает распространение и точка зрения (пока скорее декларируемая, чем подтверждаемая результатами конкретных исследований), согласно которой современный болгарский литературный язык сложился не на основе местных (территориальных) говоров (под которыми в таком случае обычно подразумеваются сельские говоры, т.е. речь сельского населения), а на базе наддиалектных образований - ареальных койне, интердиалектов или городских говоров. В самые последние годы широко распространенное ранее мнение о территориально определенной диалектной основе современного литературного языка подвергается пересмотру, некоторыми болгарскими учеными расценивается как ошибочное, не соответствующее реальному процессу его формирования и современному состоянию его структуры; энергично утверждается убеждение в том, что современный болгарский литературный язык сформировался не на локально ограниченной диалектной основе, а на основе общенародной или общebolгарской. ✓

Несмотря на очевидные достижения последних лет в изучении вопроса о диалектной основе СБЛЯ, в целом вопрос этот остается еще остро дискуссионным, не до конца решенным, по разным его аспектам высказываются разные мнения, что уже само по себе свидетельствует о необходимости его дальнейшего исследования. В своих работах мы сосредоточиваем внимание на двух аспектах этого вопроса, имеющих экстралингвистический характер. Один - отношение самих деятелей той эпохи к вопросу о диалектной основе нового литературного языка; второй - распределение авторов-возрожденцев-собственных и переводных книг по месту их рождения на диалектологической карте болгарского языка как один из показателей возможного участия тех или иных диалектов

в устройстве литературного языка на стадии его формирования [9; 14; 16; 1, с.119-149; 26; 34; 2, с.152-205; 40] .

Предпринятое нами впервые изучение имеющихся в возрожденческой литературе высказываний и соображений о диалектной основе формировавшегося нового литературного языка показало, что решению этого вопроса образованные болгары эпохи Возрождения придавали исключительно большое значение. Они понимали, что от конкретного его решения будет зависеть не только тот или иной облик литературного языка (особенности его грамматики, звукового строя и т.д.), но и дальнейшее развитие образования, литературы, других областей складывавшейся национальной культуры. Многие возрожденцы отдавали себе ясный отчет в том, что выбор конкретной диалектной основы литературного языка тесно связан и с общей задачей национального сплочения и единения всех болгар. Очевидно, что вопрос о диалектной основе был предметом первостепенной важности для тех возрожденцев, кто считал необходимым создание нового литературного языка на базе живой речи. Перед приверженцами же архаизованного типа литературного языка такой вопрос практически и не стоял.

Трудность решения вопроса о диалектной основе нового литературного языка обуславливалась тем, что болгарский язык на территории своего распространения имеет значительные местные различия, отличается большой диалектной дробностью. Эта его особенность деятелям эпохи Возрождения в общих чертах была известна, хотя их конкретные знания и о самих местных различиях и о диалектном членении родного языка были, по понятным причинам, ограничены и нередко случайны. Они имели более или менее общее представление о существовании местных особенностей в языке болгар, живших в разных районах исторических областей Мизии, Фракии и Македонии, о различиях в языке местного населения не только больших и территориально отдаленных областей, но и жителей отдельных городов и сел и даже разных их кварталов. Некоторые из них высказывали мнение, что существующие в языке различия создают болгарам некоторые, и даже заметные, затруднения во взаимном общении и понимании, с одной стороны, и формируют у жителей разных областей представление о языке их соседей из других областей как о языке не чисто болгарском, испорченном, с другой. Но именно такое состояние этого языка и

явилось объективной причиной сложности выбора диалектной основы нового литературного языка.

Относительно основных (главных) диалектов или наречий, их числа и ареала распространения деятели Возрождения высказывали разные мнения. Хронологически первым было высказано мнение о дуделении болгарской языковой территории на восточную и западную части (Хр. Сичан-Николов; так же и русский ученый В. И. Григорович); позже выделялись наречия юго-западное и северо-восточное (К. Петкович), верхнеболгарское и нижнеболгарское (П. Зографский), восточное и западное, или македонское (Т. Стоянов), восточное и западное (В. Друмев), болгарское и македонское (П. Оджаков), верхнеболгарское, или восточноболгарское, и македонское (К. Шепкарев), балканское, или восточноболгарское, и македонское, или западноболгарское (Т. Икономов). Ряд возрожденческих книжников выделяли три основные наречия: мизийское, фракийское и македонское (Хр. Данов), дунайское, фракийское и македонское (Л. Каравелов), северо-восточное, или балканское, южноболгарское, или македонское, и среднеболгарское, или шопское (И. Ковачев). В 70-е годы некоторые возрожденцы выделяли четыре главных наречия: балканское, фракийское, македонское и шопское (П. Иванов), фракийское (пловдивское или копривштенское), старопланинское, македонское и родопское (Бичов). Говоря о наличии местных наречий болгарского языка и выделяя главные (основные) из них, возрожденческие книжники неизменно подчеркивали его единство в целом. Такое представление о болгарском языке как о языке едином, выступающем в многообразии его локальных разновидностей, и о единстве народа как носителя этого языка имело большое значение во всей деятельности книжников Возрождения, направленной на создание нового общеполитического литературного языка [14; 1, с. 28-32; 2, с. 153-157].

В условиях значительного диалектного разнообразия при отсутствии выработанных и общепризнанных традицией или узаконенных кодификацией норм, базирующихся на народной речи, вопрос о том, по какому пути должно идти формирование вновь создаваемого литературного языка, был одним из главных вопросов, вставших перед книжниками эпохи Возрождения. Он стоял так: следует ли этот язык строить на основе какого-либо одного наречия (диалекта) или же для этого необходимо использовать богатство

разных наречий (диалектов) и даже всего народного языка. Иначе говоря, вопрос заключался в том, должен ли этот язык иметь монодиалектную или же полидиалектную основу.

Большинство возрожденцев, высказывавшихся по этому вопросу, выступали за монодиалектную основу нового литературного языка, выдвигали те или иные критерии и приводили разные аргументы в пользу соответствующего диалекта как базы создания этого языка. В обоснование его монодиалектной основы в числе других аргументов приводилось и то, что основой любого литературного языка является отдельное наречие какой-либо области (например, столичной), а не "наречие всего государства" (С. Радулов), т.е. не народно-разговорный язык в целом.

Трудность решения вопроса о монодиалектной основе общеполитического литературного языка заключалась в определении критерия, который должен быть положен при выборе ими конкретного диалекта для такого его назначения и о серьезной их заинтересованности в наиболее целесообразном, правильном, с их точки зрения, решении этого вопроса, которое бы отвечало задачам и нуждам развития складывавшейся национальной культуры и упрочения единства народа. Разнообразие выдвинутых возрожденцами критериев свидетельствует и о сложности самой проблемы выбора такого диалекта, которую в меру ее понимания и своих знаний пытались решить возрожденцы [16; 1, с.28-82; 2, с.153-163].

Господствующим было мнение, согласно которому новый литературный язык должен формироваться на основе наиболее чистого наречия (В. Априлов, Ив. Богоров, Б. Петков и др.). Естественная сама по себе, эта мысль была связана с общим движением болгар за национальное самоутверждение, важной опорой которого было существование болгарского языка как самостоятельного в ряду других языков. Неудивительно, что диалектная пестрота, с одной стороны, и желание дать возрождающейся нации достойный ее прошлого и будущего литературный язык, который должен быть максимально чисто болгарским, с другой, наталкивали грамматистов и других книжников прежде всего на мысль о том, что в основу этого языка следует положить наиболее чистое наречие.

Другие возрожденцы выступали за выбор наиболее правильно болгарского наречия как основы нового литературного языка (Н. Геров, Л. Каравелов, Т. Лешков и др.).

Достаточно распространенным было мнение, что при выборе конкретной диалектной основы литературного языка нужно руководствоваться наибольшей близостью наречия к древнеболгарскому языку. При этом наречие, ближайшее к древнеболгарскому языку, рассматривалось одновременно и как наиболее чистое и правильное (Д.Априлов, Н.Палаузов, Г.Крыстевич, Г.Раковский, Б.Петков, С.Радулов и др.). Обращение в данном случае к древнеболгарскому языку как к своего рода арбитру вполне понятно. Этот язык был предметом законной гордости всех болгар, независимо от того, какую роль они отводили ему в формировании современного литературного языка. Авторитет древнеболгарского языка в середине прошлого столетия среди болгарских деятелей был уже настолько высок, что доказательство большей близости с ним какого-либо наречия, по мнению многих книжников, свидетельствовало о приоритетности именно этого наречия в устройстве литературного языка.

Выдвигался и критерий наибольшего благозвучия — важнейшего качества, которое должно быть привнесено в литературный язык соответствующим наречием (П.Зograфский).

Некоторые деятели Возрождения настаивали на том, что основой литературного языка, должно быть избрано непременно наречие общепоянтное для всех болгар, ибо такое решение способствовало бы в частности сохранению их единства как народа (П.Славейков, Й.Ковачев).

Одним из критериев выбора диалектной основы нового литературного языка признавалась также наибольшая распространенность наречия. Считалось, что наречие, на котором говорит большинство болгар, более достойно служить базой формирования литературного языка, чем наречия, носители которых составляют меньшую часть населения.

В соответствии с приведенными критериями разные деятели Возрождения предлагали положить в основу литературного языка разные территориальные диалекты (наречия) [16; 2, с.163-175].

Чаще всего в качестве такой основы предлагались говоры, занимающие территорию Северной Болгарии и Старой Планины, т.е. балканское наречие, с тем или иным уточнением его более узкой локализации (Ив.Егоров, Т.Стоянов-Гурмов, Т.Пешков, С.Радулов, Б.Петков и др.). Именно это наречие, по мнению отдельных

возрожденцев, было и наиболее чистое, и наиболее близкое к древнеболгарскому, и наиболее распространенное, и более других доступное для всеобщего понимания. Преимущество этого наречия усматривалось также в том, что в третьей четверти XIX в. оно, как правильно отмечали некоторые книжники, уже было господствующим в печатных изданиях.

Высказывалось мнение, что в основу нового литературного языка должно быть положено македонское наречие. П. Зографский, например, считал, что это наречие следует предпочесть другим потому, что оно полновочнее, стройнее, полнее и богаче других.

В основу литературного языка предлагалось положить и попское наречие. И. Ковачев обосновывал такое предложение тем, что это наречие занимает среднее положение между остальными (у него — между балканским и македонским), срединное положение на болгароязычной территории, характеризуется наибольшей чистотой и общепонятно для болгар всех областей.

Предложения и практические опыты книжников по устройству нового литературного языка на основе отдельного наречия воспринимались отнюдь не однозначно. Они поддерживались одними современниками и решительно отвергались другими. О том, насколько сильны и непримиримы были противоречия по этому вопросу, свидетельствует множество высказываний разных возрожденцев. Так, в конце 60-х годов, когда, казалось, вопрос этот был уже решен самим ходом развития школьного дела, литературы, журналистики и др., неуклонно утверждавшим балканское наречие, Хр. Данов, известный книгоиздатель прошлого века, писал, что приверженцы мизийской основы литературного языка рассматривают книги на фракийском наречии как отраву для детей, а приверженцы фракийской основы этого языка такой же отравой считают книги, изданные на мизийском наречии.

Основным аргументом против установления какого-либо наречия в качестве основы нового литературного языка было убеждение, что такой язык не будет понятен для всех болгар. Общепонятность же литературного языка рассматривалась как совершенно необходимая черта, без которой он не может претендовать на право быть общим, т.е. всенародным или, как мы бы сейчас сказали, национальным.

Другой аргумент — установление монодиалектной основы литературного языка есть недопустимое навязывание воли группы лиц или даже одного человека всему народу во вред формированию подлинно общего и понятного для всех болгар литературного языка. Никто не имеет права "писать книгу для всего народа на местном наречии", — подчеркивал Ив. Богоров, выражая довольно характерное отношение части своих соотечественников к идее и практике утверждения монодиалектной основы литературного языка. Некоторые образованные болгары эпохи Возрождения были всерьез озабочены тем, что созданный таким образом литературный язык окажется в действительности непонятным для части болгар и лишенным тем самым своего назначения как общего средства развития школы, литературы и других сфер национальной культуры и как средства национального единения говорящего на болгарском языке населения.

Следует при этом иметь в виду, что многие критики идеи и практики создания литературного языка на монодиалектной основе обычно исходили с позиций не сторонника общebolгарского или регионального наддиалектного или междиалектного образования, а приверженца тоже монодиалектной, но иной диалектной основы или же сторонника синтеза разных наречий как базы формирования нового литературного языка.

Другой предлагавшийся путь создания нового литературного языка на народно-разговорной основе — синтез двух и более наречий как базы его нормализации. Идея такого его устройства была среди деятелей Возрождения довольно популярной [2, с. 171-194]. Считалось, что именно таким путем болгары, во-первых, сумеют скорее создать единый общebolгарский литературный язык, и, во-вторых, язык этот будет иметь ряд важных преимуществ, пренебрегать которыми в условиях многодиалектной Болгарии было недопустимо. Приверженцы полидиалектной основы литературного языка полагали, что язык, объединяющий особенности разных наречий, был бы действительно "общим", а не "частным", отражающим особенности отдельного наречия, и поэтому он будет общепонятным или в равной мере понятным для всех болгар. Другое, не менее существенное, преимущество созданного таким путем литера-

турного языка - устранение существовавших распрей между приверженцами разных наречий, ибо путь этот открывает перед всеми наречиями как бы равные возможности в устройстве литературного языка. Наконец, синтез особенностей разных наречий рассматривался некоторыми возрожденцами как наиболее прочная преграда к возможному утверждению ареальных вариантов литературного языка, а в связи с этим и как своего рода гарантия предотвращения разъединения народа. Последнее обстоятельство стало особенно актуальным в конце 60-х - начале 70-х годов, когда обнаружилось некоторые симптомы обособленной литературной обработки македонского наречия, ориентированной на нужды местных школ.

В первых выступлениях приверженцев полидиалектной основы нового литературного языка прямых указаний на то, какие именно наречия должны участвовать в отборе "хорошего", "правильного" для создания "общего" языка, еще не было. Предполагалось, по-видимому, что в нем могут и должны принять участие все наречия. В 50-е годы и позднее предлагаемое решение вопроса о необходимости синтеза особенностей разных наречий приобретает более конкретный характер - указываются, какие главные наречия должны дать "строительный материал" для создаваемого литературного языка. При этом постепенно росло число возрожденцев, указывавших на необходимость привлечения к построению такой основы и македонского наречия. Можно даже сказать, что основной смысл споров вокруг диалектной основы на рубеже 60-70-х годов касался именно роли и места македонского наречия как одного из базовых наречий в формировании нового литературного языка (И.Константинов, П.Зографски, Р.Елизифов, В.Стоянов, Хр.Данов, Г.Раковский и др.).

В условиях, когда нормы литературного языка еще только складывались или уже в основном сложились, но еще не стали общепризнанными, стремление книжников утвердить в общеполитском литературном языке особенности разных наречий представляет собой более или менее конкретную попытку создания этого языка как некоего синтеза особенностей всех или части основных наречий. На практике, однако, намеренное создание такого "синтезированного", включающего особенности разных наречий ли-

тературного языка, в сложившейся в середине XIX в. литературно-языковой ситуации вряд ли было вообще возможно. Дело в том, что довольно рано (уже в 50-е годы) в формировании нового литературного языка явно обнаружилась тенденция ориентации на восточно-болгарское, главным образом - балканское наречие, которое в последующие десятилетия сравнительно легко и утвердилось в качестве его основы. Поэтому попытки некоторых возрожденцев привлечь к его созданию другие наречия, в том числе и македонское, неизбежно натывкивались на сопротивление сторонников уже утвердившегося монодиалектного характера языка, рассматривавших подобные попытки как серьезное препятствие к скорейшему всеобщему его признанию как единого для всех болгар литературного языка.

Критики идеи соединения особенностей разных наречий утверждали, что созданный таким путем литературный язык в действительности окажется непонятным и совершенно искусственным (А. Грешитский, Д. Каравелов и др.), видели ущемление отдельных наречий и навязывание их носителям языковых особенностей, почерпнутых из других наречий, считали вообще невозможным создание литературного языка путем синтеза разнодиалектных особенностей.

Таково в кратком изложении существо споров деятелей Возрождения по одной из важнейших проблем формирования нового литературного языка у болгар - его диалектной основы, споров, составляющих одну из центральных глав истории широкого движения болгар в эпоху Возрождения за создание нового литературного языка.

В основе СБЯ лежат, как полагают большинство специалистов по истории этого языка, восточные, точнее - преимущественно центральнобалканские говоры болгарского диалекта (центрально-балканский диалект) и примыкающие к ним соседние говоры восточного наречия. Известно также, что в его структуре закрепились и некоторые особенности западноболгарского наречия, вес которых отдельными учеными, на наш взгляд, преувеличивается. До недавнего времени это положение в целом как будто особых возражений не вызывало. В последние же годы, однако, оно подвергается решительной критике и некоторыми учеными полностью отвергается не только в отношении современного состояния лите-

ратурного языка, но и его истории. Так, сейчас утверждается мнение, что применительно к истории СБЛГ понятие "диалектная основа" - понятие излишнее, что в истории этого языка вопрос о диалектной основе как бы не возникал, поскольку язык этот складывался не на основе какого-то конкретного диалекта или ряда диалектов, а на народной основе в целом (Хр. Пырвев). Согласно другой точке зрения, тезис о диалектной основе СБЛГ не выдерживает критики потому, что этот язык сформировался на основе традиционного литературного языка, а его общebolгарская основа очевидна и не нуждается в специальных теоретических и фактологических исследованиях (К. Босилков) [34].

Положение об общebolгарской основе СБЛГ само по себе правильно, ибо оно отражает важнейшую особенность его формирования, заключающуюся в том, что его исходной базой был народный язык, живая речь болгар XIX в., а не функционировавший в конце XVIII-начале XIX вв. книжный язык в его разных типах или разновидностях. Констатация такой именно, т.е. народной (народно-разговорной) основы СБЛГ, вероятно, достаточна для общей характеристики самого типа исходной базы сложившейся структуры этого языка в рамках всей истории литературного языка в Болгарии и для определения места этого языка в типологической классификации современных славянских литературных языков с точки зрения характера их исходной базы - народной или книжной. Однако для исследования самого процесса формирования СБЛГ данной констатации совершенно недостаточно, ибо она допускает очень широкое, не соответствующее реальному ходу развития этого языка понимание самой основы литературного языка как в лингвогеографическом плане, так и в плане соотношения разных разговорно-языковых формаций, образующих народный язык в целом и противостоящих в своей совокупности и каждая в отдельности языку книжному (литературному).

Мнение об общebolгарской основе СБЛГ на стадии формирования и в его современном состоянии базируется на двух взаимосвязанных и достаточно ясно просматриваемых положениях. Одно из них состоит в том, что при решении вопроса о диалектной основе этого языка как языка общebolгарского нельзя допускать недооценки того, что является общим для всего народного болгарского языка. Сторонники взгляда на общebolгарскую основу

литературного языка полагают, что утверждения об определенной, локально ограниченной диалектной основе литературного языка как бы покоятся на искусственном сталкивании разных диалектов в его формировании, переоценке роли особенностей отдельных диалектов в этом процессе. В действительности же признание такого рода диалектной основы литературного языка совсем не означает, что в литературный язык вошли и закрепились только специфические, характерные для данного диалекта особенности и не вошли особенности, свойственные общенародному болгарскому языку (например, аналитический строй имени, сложная система глагольных времен, наличие членной морфемы и др.). Когда говорится о локальной диалектной основе литературного языка, имеется в виду, что на стадии формирования в него вошли и утвердились в нем присущие данному диалекту (говорам) не только местные, но и общebolгарские особенности.

Другое положение, на которое опирается признание общebolгарской основы СБЛЯ, заключается в представлении, что в этом языке на стадии его формирования и позднее закрепились - примерно в равном соотношении - особенности как восточного, так и западного наречий, составляющих или представляющих собой весь болгарский диалектный континуум (Хр. Пырвев; ранее Ст. Младенов и др.). Такое представление, на наш взгляд, еще нуждается в серьезном обосновании, поскольку даже в отношении современного состояния литературного языка едва ли убедительно утверждение, что особенности восточных и западных говором в нем уравновешены, притом даже хорошо уравновешены (Ст. Младенов). Положение об общebolгарской основе литературного языка, очевидно, предполагает также, что этот язык создавался как бы при участии всех болгарских говором или при использовании особенностей всех говором болгароязычной территории. Только такой смысл, собственно говоря, и может иметь понятие "общebolгарская основа", когда рассматривается вопрос о диалектной основе литературного языка. Если же обратиться к стадии его формирования, то положение о такой именно основе здесь не подкрепляется реальным ходом данного процесса.

В существующей литературе нет общепринятого мнения и по вопросу о том, каким образом и когда установилась локально ограниченная диалектная основа СБЛЯ. До недавнего времени при-

навалось, что в процессе его формирования в эпоху Возрождения произошла ее смена: первоначально западноболгарская основа была заменена позднее восточноболгарской. Другие ученые считают, что СБЛЯ сложился в конечном счете на восточноболгарской (балканской) основе без замены ею западноболгарской. Разные точки зрения высказываются и по вопросу о времени окончательного установления осуществляющей диалектной основы литературного языка (первая половина XIX в., 2-я четверть XIX в., вторая-третья четверти XIX в.).

По одному из важнейших вопросов истории СБЛЯ, таким образом, осуществляют разные мнения, само различие которых говорит о том, что вопрос этот еще не получил окончательного решения. Одна из существенных причин этого кроется в недостаточной разработке конкретного материала, в том числе и экстралингвистического, без всестороннего анализа которого правильно решить его невозможно.

К важным экстралингвистическим факторам, учет которых позволяет более обоснованно решать названные здесь сложные и спорные вопросы истории СБЛЯ на стадии его формирования, относятся данные о непосредственных создателях этого языка и в какой-то мере уже и его носителях-авторах печатных книг, в частности данные о месте их рождения, положенные на диалектологическую карту болгарского языка [9; 1, с.149-149; 26; 2, с.195-205]. Целесообразность такого "картографического обзора" авторов собственных и переводных книг, место рождения которых на болгароязычной территории точно известно (таковых 263), и изданной ими в эпоху Возрождения книжной продукции (1252 книги) для решения вопроса о диалектной основе сформировавшегося нового литературного языка определяется тем, что в условиях складывания его норм на основе народно-разговорной речи (при том, что о самого начала этого процесса не был выдвинут определенный диалект в качестве его общепризнанной основы) авторы книг и других сочинений, как правило, широко отражают в них особенности своих родных говоров. Собственно говоря, включение особенностей тех или иных местных говоров в сформировавшийся литературный язык могло происходить прежде всего и главным образом благодаря книжной деятельности уроженцев территорий соответствующих говоров, которых в принципе можно рассматри-

вать как своего рода репрезентантов их родных говоров (диалектов), принимавших участие в формировании литературного языка. Имея это в виду и зная, уроженцами каких мест были авторы книг, можно составить предварительное, но достаточное обоснованное суждение по крайней мере о том, какие диалекты (говоры) могли найти отражение в печатных текстах данной эпохи и реально принять участие в междиалектной конкуренции за право составить основу литературного языка.

Разумеется, даже в условиях складывания норм литературного языка и утверждения его диалектной основы само по себе место рождения авторов книг еще не может или далеко не всегда может говорить о безусловном - широком или ограниченном - отражении или родного диалекта (говора) в своих оригинальных или переводных сочинениях. В каждом конкретном случае могут быть свои особенности как в следовании автором родному говору, так и во включении им в язык собственных сочинений и переводов элементов других говоров. Сами данные о месте рождения авторов печатных книг, следовательно, могут иметь в каких-то случаях лишь относительное значение для выяснения вопроса о диалектной принадлежности языка (основы языка) этих книг и об утверждении определенной диалектной основы литературного языка в целом.

Полученные "картографические" данные о территориальном распределении авторов-возрожденцев по месту их рождения и изданных ими книг свидетельствуют о разительных различиях в реальном участии уроженцев разных областей в книжной деятельности в эпоху Возрождения и соответственно в реальных возможностях диалектов разных областей стать базой создания нового литературного языка или даже просто быть причастным к его нормализации. Эти данные показывают крайне неравномерное распределение книжников-возрожденцев по областям расселения болгар и соответственно по территориям разных диалектов. Обращает на себя внимание, например, совсем незначительное число авторов книг, родившихся во Фракии, полное отсутствие уроженцев из причерноморских районов. Показательно, что среди 263 авторов с установленным местом рождения нет ни одного уроженца Пловдива, болгарское население которого до середины XIX в. находилось под сильным греческим влиянием. Среди возрожденческих авторов нет и уроженцев тех областей, которые были заселены

преимущественно болгарскими-магометанами (помаками) или турками (Родопы, отдельные районы в Северной Болгарии и др.). Довольно слабо представлены авторами некоторые области Западной Болгарии, особенно ее северо-запад. Примечательно, что София - нынешняя столица Болгарии - дала Возрождению только одного автора, издавшего в 1858 и 1866 гг. две небольшие книжки, а весь Софийский край за все время болгарского книгопечатания до Освобождения Болгарии (1878 г.) дал только двух авторов, выпустивших в свет всего пять книг. Совершенно очевидно, что в условиях "свободной конкуренции" разных диалектов за возобладание в формировавшемся литературном языке диалекты названных здесь областей практически оказались вне этого процесса.

Полученные "картографические" данные о распределении авторов книг по диалектным территориям убедительно свидетельствуют о подавляющем преобладании авторов, родившихся в Восточной Болгарии, над уроженцами Западной Болгарии и Македонии. Из 263 авторов книг, издавших в общей сложности 1252 книги, на долю Восточной Болгарии приходится 211, а на долю Западной Болгарии и Македонии - лишь 52, из них только на Македонию - 21. Уроженцам Восточной Болгарии было издано 1074 книги, в то время как уроженцам Западной Болгарии и Македонии - только 178 книг, из них на долю западноболгарских книжников приходится 86 изданий, а на долю македонских - 92. Иными словами, общее число книг, изданных в эпоху Возрождения авторами Восточной Болгарии в шесть раз превышает число книг, изданных книжниками Западной Болгарии и Македонии, вместе взятыми.

В свою очередь уроженцы Восточной Болгарии существенно различаются по тому, каким числом они "репрезентируют" отдельные говоры (диалекты) этой части болгароязычной территории. Наибольшее число авторов здесь падает на территорию распространения балканских говоров - 179 из 211, которыми было издано 868 книг из 1074 (при 14 авторах со 130 книгами, представляющих рупские говоры, и 18 авторах с 76 книгами, представляющих говоры мизийские). Другими словами, с территории современных балканских говоров происходит в шесть раз больше авторов, чем с территорий остальных восточноболгарских говоров, и в четыре раза больше, чем с территории западноболгарских и македонских говоров. Число книг авторов - носителей балканских

говоров превышает в четыре с лишним раза число книг, изданных авторами, родившимися на территории других восточноболгарских говоров, и почти в пять раз превышает общее количество книг, изданных авторами из Западной Болгарии и Македонии. Если же сопоставить данные по территории балканских говоров со всей остальной болгароязычной территорией того времени, то окажется, что территория балканских говоров дала авторов почти в два раза больше (179 при 84), чем все остальные диалектные зоны, а число книг этих авторов (36) в 2,2 раза превышает общее число книг (324), изданных всеми остальными книжниками с установленным местом рождения.

Из всех балканских диалектов (центральнобалканский, котелско-еленско-дряновский, пирдопский, подбалканский, тегевенский) наиболее широко был представлен своими носителями центральнобалканский диалект. Область его распространения дала в эпоху Возрождения 102 авторов, опубликовавших в общей сложности 395 книг, - больше, чем ареал любого другого не только балканского, но и вообще любого болгарского диалекта. Это составляет почти половину всех возрожденческих авторов с установленным местом рождения и почти треть всех изданных ими книг. Из других областей балканских диалектов заметный вклад в болгарское книгопечатание внесли уроженцы территории котелско-еленско-дряновского и пирдопского диалектов.

Приведенные данные показывают, что в условиях отсутствия единых общеобязательных литературных норм и "свободной конкуренции" разных диалектов в выработке таких норм, не корректируемой престижной книжно-языковой традицией с определенной диалектной основой, утверждение восточноболгарской, уже - балканской и главным образом центральнобалканской диалектной основы формировавшегося нового литературного языка в эпоху Возрождения произошло благодаря тому экстралингвистическому обстоятельству, что подавляющее большинство книжников-возрожденцев с установленным местом рождения, издавших большую часть всех возрожденческих книг, были уроженцами именно данного диалектного ареала, которые и вводили в этот язык наряду с общеполгарскими и особенностями, свойственными преимущественно или исключительно их родным говорам.

Важны, однако, не только чисто количественные показатели,

свидетельствующие о бесспорном преобладании в книгопечатании авторов, родным диалектом которых был именно центральнобалканский. Не менее, если не более, важно и то, что из области распространения как раз этого диалекта, здешних городов, городков и селений, вышли многие крупнейшие деятели эпохи Возрождения, оставившие глубокий след в истории не только болгарского книгопечатания, но и образования, литературы и формирования СБМ. Балканские говоры в целом оказались практически "вне конкуренции" при окончательном утверждении монодиалектной основы литературного языка к концу эпохи Возрождения.

Полученные данные показывают также, что указанная диалектная основа утвердилась, на наш взгляд, не в результате смен ранее представленной в литературном языке западноболгарской основы восточноболгарской, как полагают многие ученые, а в результате того, что на определенном этапе развития литературного языка из двух наречий — западного и восточного, выступавших ранее одновременно в качестве народно-разговорной основы языка сочинений авторов соответствующих диалектных территорий, восточное наречие свои позиции как базы создания общеполгарского литературного языка значительно расширило благодаря резкому увеличению числа книжников из Восточной Болгарии, в то время как позиции западного наречия сравнительно с восточным в этом процессе существенно сузились. Переломными в этом отношении явились 40-е годы. С тех пор и до конца эпохи Возрождения число книжников из Восточной Болгарии вообще и из области центральнобалканского диалекта в особенности неуклонно росло и соответственно расширялось и закреплялось восточное наречие в целом и его центральнобалканский диалект в частности в качестве основы складывавшегося нового литературного языка. Окончательное же утверждение преимущественно центральнобалканского диалекта в качестве основы функционирующего ныне литературного языка следует относить ко времени после Освобождения Болгарии и связывать его нужно, вероятно, уже с самой кодификацией нормы этого языка.

Возобладание балканских говоров в качестве основы формирующегося литературного языка объясняются не какими-то внутренними (собственно языковыми) его преимуществами или его превосходством над другими говорами и не каким-то особым их мес-

том в предшествовавшей у болгар литературно-языковой традиции, в первую очередь, как видно, внеязыковыми причинами, главным образом, тем, что в национальнокультурном возрождении болгарского народа именно область распространения балканских говоров играла и сыграла решающую роль.

Само то обстоятельство, что большая часть писателей и других книжников-возрожденцев, прямо или косвенно причастных к устройству нового литературного языка, была родом из областей Восточной Болгарии и прежде всего из области распространения балканских говоров и, следовательно, она утверждала в литературно обработанном виде эти говоры как язык школы, литературы, журналистики и т.д., не было случайно. Оно объясняется историко-экономическими условиями, которые существовали на болгарских землях в середине XIX в. и которые характеризуются тем, что именно область центральной части Старой Планины и Средняя Гора стала экономическим (торгово-промышленным) центром этих земель. Ведущее положение этой области в экономической жизни формировавшейся нации привело к тому, что восточноболгарский элемент постепенно утверждается и в других сферах - культурной и политической - жизни болгар. В таких условиях восточноболгарская речь и утверждалась в качестве той основы, на которой ко времени Освобождения Болгарии в основном и сформировалась структура СБЛ.

Изложенные данные, касающиеся возрожденческих авторов и изданных ими книг, носят, разумеется, вспомогательный, хотя, на наш взгляд, важный и показательный характер. Они помогают ориентироваться в общей расстановке "диалектных сил" в пространстве и во времени в период, когда единых норм нового литературного языка, складывавшегося на народно-разговорной основе, еще не было и когда самим ходом его развития постепенно устанавливалась его определенная диалектная основа.

СБЛ на стадии своего формирования представлял собой такую, условно говоря, систему, которая выступала как совокупность значительного числа опытов языковой нормализации, опирающихся на литературную обработку большого числа местных говоров как восточных, так и западных, но с бесспорным перевесом (уже начиная с 40-х годов) восточных и с быстрым ростом веса этих говоров (в последующие десятилетия), что и определило в

конечном счете утверждение в нем локально ограниченной восточноболгарской диалектной основы. Преобладание опытов литературной обработки именно восточноболгарских говоров, создавало, начиная уже с 40-х годов, в целом такой облик литературного языка на народной основе, в котором господствовали восточноболгарские особенности. Это прекрасно осознавали книжники уже 50-х годов и позднее, многократно отмечавшие — одни с одобрением, другие с огорчением или неудовольствием, что формировавшийся тогда литературный язык есть по существу восточное наречие. То, что складывавшийся на такой диалектной основе литературный язык ко времени Освобождения Болгарии пользовался уже значительным престижем и признанием в среде образованных болгар, убедительно подтверждается нарастающим отказом уроженцев западноболгарских и македонских областей от особенностей местных говоров, особенно характерных для них и выразительных.

Естественно, СБЛЯ формировался не только на указанной диалектной основе; он складывался в сложном взаимодействии отдельных местных диалектов, языка народной словесности, литературного языка предшествующей болгарской литературы, церковнославянского языка, при влиянии других славянских и неславянских языков. Весь этот сложный комплекс разнообразных факторов, в условиях которого формировался СБЛЯ, еще нуждается в глубоком и всестороннем исследовании.

По теме диссертации опубликованы работы:

1) Книги

1. Из истории современного болгарского литературного языка. София, Изд-во Болгарской академии наук (БАН). 1991. 270 с.

Рец.: А.Д. Дуличенко, С.В. Смирнов. — Вестник Ленинградского университета. 8. История, язык, литература. 1983. Вып. 2. С. 122-124; И. Бунклиев. — Съпоставително езиковедение (София). 1983. № 3. С. 88-90.

2. Болгарский литературный язык эпохи Возрождения. Проблемы нормализации и выбора диалектной основы. М. "Наука". 1990. 206 с.

Реф.: А.М. Шахмайкин. — Общественные науки в СССР. Серия 6. Языковедение. 1991. № 1. С. 48-51.

2) Статьи

3. К вопросу о начале современного болгарского литературного языка // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. Вып. 43. 1965. С.3-16.

4. К истории болг. часовник // Этимология. 1966. М. "Наука". 1968. С.31-39.

5. К истории слов современного болгарского литературного языка // Советское славяноведение. 1963. № 3. С.40-43.

6. Дополнения к болгарской библиографии эпохи Возрождения // Известия на Народната библиотека "Кирил и Методий". Т. IX (XV). София. 1969. С.251-257.

7. О нормализации устной речи на начальном этапе формирования современного болгарского литературного языка // Вопросы языкознания. 1969. № 6. С.94-102.

8. За първото драматично произведение на български език // Език и литература (София). 1969. № 5. С.57-67.

9. Диалектная основа болгарского литературного языка и болгарское книгопечатание в эпоху Возрождения // Вопросы языкознания. 1971. № 4. С.73-89.

10. Фрагменты истории болгарской орфографии // Балканское языкознание. М. "Наука". 1973. С.170-210.

11. Проблема нормализации литературного языка в программах первых болгарских просветительских обществ в эпоху Возрождения. М. "Наука". 1974. - 16 с. (Доклады и сообщения советской делегации. III Международный съезд по изучению стран Юго-Восточной Европы. Бухарест. 4-10 сентября 1974).

12. О месте родного языка в движении болгар за национальную культуру // Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М. "Наука". 1977. С.289-301.

13. От редколлегии // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М. "Наука". 1973. С.5-8 (совместно с Л.Н.Смирновым).

14. Некоторые вопросы формирования болгарского литературного языка в эпоху Возрождения // Национальное Возрождение и формирование славянских литературных языков. М. "Наука". 1973. С.207-263.

Рец.: Хр. Първев. - Български език (София). 1980. № 2. С.170-172; К.Вачкова. - Съоставително езикознание (София). 1980. № 5. С.66-67.

15. О создании грамматики и словаря как предпосылки формирования болгарского литературного языка в эпоху Возрождения // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций. XIII-XIX вв. Материалы Международной конференции ЮНЕСКО. М. "Наука". 1978. С.137-141.

Рец.: Р.Цойнска. - Български език (София). 1980. № 5. С.461.

16. За критериите на възрожденските книжовници при избора на конкретна диалектна основа за българския книжовен език // Изследвания из историята на българския книжовен език от миналия век // София. Изд-во на БАН. 1979. С.13-21.

Реф.: З.М.Волоцкая. - Общественные науки за рубежом. Реферативный журнал. Серия 6. Языковедение. 1980. № 2. С.53-54.

17. Вопросы нормализации болгарского литературного языка в начале XIX в. // Славянское и балканское языковедение. М. "Наука". 1979. С.246-263.

Реф.: З.М.Волоцкая. - Общественные науки в СССР. Серия 6. Языковедение. 1980. № 4. С.22.

18. Формирование национальных литературных языков зарубежных славян // Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. М. "Наука". 1979. С.119-128 (совместно с Л.Н.Смирновым; Г.К.Венедиктовым написаны разделы статьи о южнославянских языках).

Реф.: К.В.Бахмян. - Общественные науки в СССР. Серия 6. Языковедение. 1980. № 2. С.86-87.

19. Первые отзывы о "Грамматике внешнего болгарского наречия" Ю.И.Венедина // Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М. "Наука". 1981. С.176-191.

20. Първа страница в историята на изучаването на българския език от руски учени // Българското Възраждане и Русия. София. Изд-во на БАН. 1981. С.212-235.

21. И.И.Срезневский и начало болгарской лексикографии // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 573. Из истории славяноведения в России. Труды по русской и славянской филологии. Тарту. 1981. С.46-74.

22. О создании литературного языка как предпосылке упрочения национального единства болгар в XIV в. // "Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспект. М. "Наука". 1931. С.150-163.

23. К истории современной болгарской орфографии // Язык и письменность среднеболгарского периода. М. "Наука". 1932. С.249-235.

24. О первой новоболгарской печатной книге // *Tyrographia Universitatis Hungaricae. Budae. 1777-1848. Budapest. 1983.* С.187-194.

25. К изучению истории лексики современного болгарского литературного языка // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии. М. "Наука". 1933. С.5-33.

Рец.: Р.Цойнска. - Български език (София). 1935. № 4. С.403.

26. Българският книжовен език и българските народни говори // Съвременният български книжовен език, Основни развойни моменти и видни езикови строители. София. "Народна просвета". 1933. С.43-46.

27. Вопросы истории болгарского литературного языка в трудах советских болгаристов // Советская болгаристика. Итоги и перспективы. М. "Наука". 1933. С.291-296.

28. За основните направления в нормализацията на съвременния български книжовен език в началния стадий на формирането му // Международен конгрес по българистика. Доклади. I. Исторически развой на български език. София. Изд-во на БАН. 1933. С.323-344.

29. К истории литературного самоназвания болгар в эпоху их национального Возрождения // У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М. "Наука". 1934. С.145-163.

30. Об одном аспекте изучения истории лексики современного болгарского литературного языка // Этимология. 1932. М. "Наука". 1935. С.36-100.

31. За истинските и мнимите авторски новообразования в историята на лексиката на съвременния български книжовен език // Втори Международен конгрес по българистика. Доклади. Т. 2. История на български език. София. Изд-во на БАН. 1937. С.290-302.

32. За произхода на думата вестник 'вид периодическо издание' // Език и литература (София). 1937. № 5. С.42-57.

33. За кирило-методиевските традиции в нормализацията на българския книжовен език през Възраждането // Кирило-методиевски студии. Кн. 4. София. Изд-во на БАН. 1967. С.315-322.

34. О диалектной основе современного болгарского литературного языка на стадии его формирования // *Kształowanie się nowobułgarskiego języka literackiego (do roku 1878)*. Wrocław - Warszawa - Kraków. 1990. С.215-226.

35. За "Българския буквар" на Г.Бусидин // Г.К.Ренедиктов. Българистични студии. София. Изд-во "Наука и изкуство". 1990. С.230-240.

36. О некоторых "вторских" новообразованиях в болгарской лексике // *Studia Slavica*. Языковедение. Литературоведение. История. История науки. К 80-летию С.Б.Бернштейна. М. "Наука". 1991. С.63-69.

3) Тезисы. Рецензии

37. Проблема устной речи на начальном этапе формирования современного болгарского литературного языка // Славянские литературные языки в донациональный период. Тезисы докладов. М. "Наука". 1969. С.16-18.

38. О создании грамматики и словаря как предпосылке формирования единого болгарского литературного языка в эпоху национального Возрождения // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций. ХУП-ХІХ вв. Тезисы докладов и сообщений. М. "Наука". 1974. С.32-33.

39. Важный труд по истории современного болгарского литературного языка // Советское славяноведение. 1979. № 2. С.116-118. (Рецензия на кн.: Л.Андрейчин. Из историята на нашето езиково строителство. София. 1977. - 254 с.).

40. О диалектной основе современного болгарского литературного языка // Болгаристика в системе общественных наук. Опыт, уроки, перспективы. Тезисы докладов и сообщений Второй Всесоюзной конференции по болгаристике. Харьков. Изд-во Харьковского университета. 1991. С.155-156.

41. В.И.Григорович о книгопечатании и литературном языке болгар в эпоху их возрождения // Профессор В.И.Григорович. Те-

зисы докладов областных научных чтений, посвященных 175-летию со дня рождения ученого-слависта, Одесса. 1991. С.31-32.

42. О месте традиционного литературного языка в движении болгар эпохи Возрождения за создание нового литературного языка // Болгарская культура в веках. Тезисы докладов. М. "Наука". 1992. С.43-45.

ПОДПИСАНО В ПЕЧАТЬ И В СВЕТ 25.06.92.

ЗАКАЗ № 154 ТИРАЖ 100 экз.

РОТАПРИНТ ВНИПИстатинформ..

